

«А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его, но не имеет в себе корня и непостоянен».

(Матф. 13: 20-21)

«Нет во всей России, а может быть, на Земном шаре, никого более коренного по вкусу, по укладу, по организации души, чем костромичи».

П. Флоренский

УКОРЕНЕНИЕ

ГЕРОИИ ВЕРЫ

(Продолжение. Начало в №11)

Инвалида забрали

Забрали Ивана Ивановича за неделю до праздника Покрова. Полевые работы к тому времени были уже закончены. Оставалось до наступления холодов собрать и сложить в кучи сжатый серпами и связанный в снопы урожай овса.

— Днем он повозил снопы, а вечером пришли его забирать. Мама ушла доить корову, когда пришли за ним...

Возмущение в народе было великое. «Да как это! такого инвалида забрали!»

Все его так уважали, такой он хороший был! Бывало, разругаются, идут к нему: «Ой, Иван Иванович... Вот разругались, дак как? Посоветуй!» Даст совет, а на народ не вынесет, чтобы народ знал. То сестра с сестрой разругаются, то муж с женой.

Жили как родные

Соседи у нас были очень хорошие — Пантюшины. Дедушка Михайло — крестный ему. Тоже вот придет, сядут рядышком, а отец ему: «Крестный, крестный...»

Зубовы, соседи, так то же самое... Мы там в Балаболыхе жили как родные...

Вот пошлют меня к Зубовым по решето. Приду. «Тетка Лидия, мне бы решета». «Вот там-ка, в чуланчике». «Тетка Лидия, не нашла». «Ну, поди в сеник!» «Тетка Лидия, не нашла». Тогда уж сама побежит.

А уж когда отца забрали, иду к Пантюшиным: «Ой, вот пилу бы мне». «Бери, Шурка, пилу, бери. Напилишь и опять повесишь на место, чтобы мне не искать».

К Зубовым приду: «Дядя Сергей, мне бы топор». «Там у меня кряж на дворе. Возьми, поработай и опять воткни».

Мне бы Ивана Ивановича

Я по отцу очень тосковала. Я так тосковала, что, помню, залезу на печь, а у меня внутри как все обрывается. Полежу-полежу на печи, придут ребята, девки, стучают: «Пойдем гулять!» Я молоденькая была. Ну какое мне гулянье! Мне не до гулянья. Уйду на сеник — у окошка ставень был — погляжу оттуда на дорогу: не идет ли тятенька. Ой, тосковала как! Потом вот в Покров говорю маме: «Я пойду к нему в Шарью».

Вместе с моим отцом еще Зинина забрали с Фадихи. Вот мы с сыном его, Мишкой — он тоже был небольшой — и пошли.

Добрались до тюрьмы: она везде огорожена. Мы подлезли под забор с этим Мишкой. Я кричу: «Мне бы Ивана Ивановича!» Окна в камере от полу высоко были, так его товарищи подсадили.

«Тятенька, я тебе передачу принесла!» «Да как ты сюда попала? Тебя же милиция заберет!» «Да пусть забирает!»

Прибежали охранники, видят, что мы еще несовершеннолетние, почти дети. Я худенькая тогда была, щупленькая, на вид не больше 16 лет. Охранники стали нам выговаривать, а мы ревели! Идите, говорят, вот туда... Все нам растолковали. Приняли у нас передачу, но к родителям так и не пустили.

Поездка в Горький

В Шарье отец недолго сидел, вскоре его увезли в Горький. Осенью 38-го к нам прибежала тетка Анна Игнатьева (Колесова). «Шурка, мы собираемся к мужикам ехать...»

Мамы тогда дома не было. Не помню, где она была. А у меня на осеннее заговенье были испечены вьюшки. Я этих вьюшек наклала... А надо справку из сельсовета! Обула скорее лапти и побежала к председателю. «Вася, где мои справки? Бабы-то вот ушли, а я еще не собралась». Председатель говорит мне: «Беги скорее, Шурка, собирайся, а за справкой пошли кого-нибудь из ребятнишек. Я справку напишу и пошлю с ними. А ты бежи, собирайся скорей!»

Я прибежала, наварила мяса, вьюшки положила, в лапти обулась. Уже не помню, кто и за справкой бежал — Маруся или Колюшка, — но справку принесли. Собралась и всю дорогу до Якшанги бегом бежала. Только прибежала, и поезд на Котельнич подошел. А тетка Анна купила уж мне билет: «Ну слава Богу, хоть ты прибежала! Вот тебе билет».

Доехали до Котельнича, в Котельниче пересадка. В Горький приехали вечером.

Как вам помочь

В Горьком пошли ночевать к Чистякову Павлу Николаевичу. Он родом с Казанки, большим начальником был. Пришли к нему ночевать шестеро женщин, а седьмая я, девушка молоденькая.

Он чего только не накупил про нас. И вино на столе, и колбаса... И всех заставляет: «Выпейте!»

А ведь мы постыничали тогда. Так он встанет на колени и стоит на коленях, пока не выпьешь и кусок колбасы не съешь. Стоит перед каждой на колени! Вот и до меня дошла очередь! Я говорю: «Я не оскорблюсь! Я пить не буду, никак не буду! Не оскорблюсь!» «Ну как хочешь, а только я сколен не встану!» Ну, как тут отказать! Я выпила рюмку — он заставил всю рюмку выпить, — а вино сладкое-сладкое, да, видать, больно крепкое! Выпила, кусок колбасы съела, меня и понесло. Загуляла!

Посидели. Он все спрашивал: «Как вам помочь-то?». А чем он нам поможет! Ведь у него самого родителей раскулачили...

Мы все в лаптях, а у них чистота везде, половики бархатные. Положили нас спать на

перину. А у нас в деревне какая перина! Соломенный матрац был, да на полу и спали. А он у нас лапки все прибрал, положил на батареи, просушил.

Утром мы встали ранешенько, а он нам завтрак собирает! Собрал, и мы потом весь день стояли в очереди, чтобы передачи передать. А кругом-то все ларьки были. Мы там всего накупили. Тогда в Горьком все было. Накупили и до самого вечера стояли в очереди. Только передали передачи, и сразу на вокзал — домой ехать.

Отец потом рассказывал, что из передачи ему мало что досталось. Те, кто передачу принимал, все, что получше, между собой делили...

Муж Анны Колесовой так и умер в тюрьме от истощения. Дядя Александр, с Фадихи, тоже скоро умер. А мой отец почему выжил? Он не курил, а те курили. Им, говорит, если дадут немного хлеба, так они его частенько на табак променивали...

Из Горького Ивана Ивановича увезли далеко на север, в Архангельскую область. Здесь, в 70 км от ст. Няндомы он и пробыл до своего освобождения в 1943 году.

Приедь, Александра, приедь

Почти сразу после начала войны Александру Иванову мобилизовали на восстановление железнодорожных путей. В Вологде были сформированы 7 пассажирских вагонов, а летом 1942 г. их направили под Ленинград на станцию Тихвин...

— Пока мы были в Пикалево, наши вагоны трижды бомбили. Дали нам сначала классные вагоны, а потом — теплушки. В теплушках мы и жили.

Бомбили нас сильно! Так бомбили, что воронки оставались величиной с избу.

Отец стал писать письма, просил приехать к нему: «Александра, приедь ко мне, привези чего-нибудь...»

А я боялась даже и говорить, что у меня отец сидит. Ведь как только не преследовали тогда этих людей! Почему и забрали меня тогда на войну-то...

Надо ехать к нему — он шлет письмо за письмом: «Приедь, Александра, приедь, поддержи немножко меня!»

А как приехать? Я начальнику-то боюсь сказать.

У свахи Анны

Вот приехала, как раз на пасху, в отпуск домой. У няньки Олимпиады деверь пришел с войны раненый. И ходил он в Ветлугу за вином. Тогда в Ветлуге вино гнали.

Вот нянька-то и говорит: «Ты приходи к нам избу мыть, так мы выпросим поллитровку-то. Ты к начальнику-то и пойдешь с поллитровкой. Ведь надо же чего-то сунуть!»

Вот я избу-то уж так мыла, так мыла! А бань-то не было, в печи вымылась. Постлали постель на кухне, там и ночевала. Утром сваха Анна и говорит: «Ну, сваха, чем тебе платить-то, за избу-то?» Я и говорю: «Мне бы вот надо поллитровку вина, я знаю, что у вас Шура ходил в Ветлугу и принес вина. Мне тятенька письмо пишет, просит приехать к нему, а я не знаю, как к начальнику подойти».

Отпустите меня к нему

Ну я и подошла. Еще жили тогда в классном вагоне. Половина вагона была шарынцев, а половина вагона мастера да бригадиры, а сам начальник — в купе проводников.

Шарынцы были все молоденькие, девки да ребята. Отработались — а

день был хороший, весенний — «ха-ха-ха», и убежали гулять. И мастера из вагона вышли, а я лежу на верхней полке и в окошечко, где раньше свечку ставили, когда свету нет, заглядываю. Как к начальнику-то подойти? Лежу да реву — не знаю, как подойти...

Гляжу: никого нет. Забираю все письма с собой, поллитровку в пазуху пихаю. Пошла к нему, нажимаю кнопочку: звонок зазвенел. Он дверь открыл: «Ой, а ты, Вострова, зачем?» Я говорю: «А мне к вам надо. Можно?» «Можно». А он серьезный был такой... «А за чем ты?» Я вытаскиваю эту пачку писем, даю ему читать: «Вот читайте, зачем я!»

Он прочитает письмо, да на меня глаза-то вытаращит. Да еще почитает и опять вытаращит... Я говорю: «У вас вот тоже семеро, — сама реву — так вам жалко или нет своих деток, а деткам вас жалко или нет? Как вот вы думаете? Каково мне такие письма получать! Вот вы разве не видите, что все ушли гулять, а я лежу наверху, мне не гуляется». Ничего не говорит.

Вытаскиваю еще эту поллитровку и говорю: «Вот вам, только отпустите меня к нему». Он как эту поллитровку взял — запосмеивался. Ну, ладно, запосмеивался, слава Богу! А сама все реву, прошуся.

«Ладно, вот километр сдвинем, — а я была старшей рабочей — тогда и поедешь ты к нему».

Бегом к тятеньке

Вот километр сделали — он не отпускает. Другой делаем. Я опять вижу, что никого нет. Пришла к нему и говорю: «Послушайте, товарищ начальник, — я избу-то когда мыла, дали мне белой муки пшеничной; мама из нее сухарей напекла, — вот поглядите, я сухари-то почти все съела». — Ведь мы работали в войну день и ночь. Да вот еще как разбомбят, так и хлеба-то нет. Сбросят с самолета по четыре сухарика... А ведь есть-то все равно охота, нет никакого терпения. Приду, да и отщипну чуть-чуть. — «Мне уж теперь и ехать-то не с чем. Вот еще поллитровка масла только и осталась».

Он говорит: «Не тужи! Вот тебе 10 хлебных талонов, по килограмму талон. Это дополнительные стахановские талоны. Приедешь в Няндому и купишь в ларьке хлеба на эти талоны». Растолковал, где ларек.

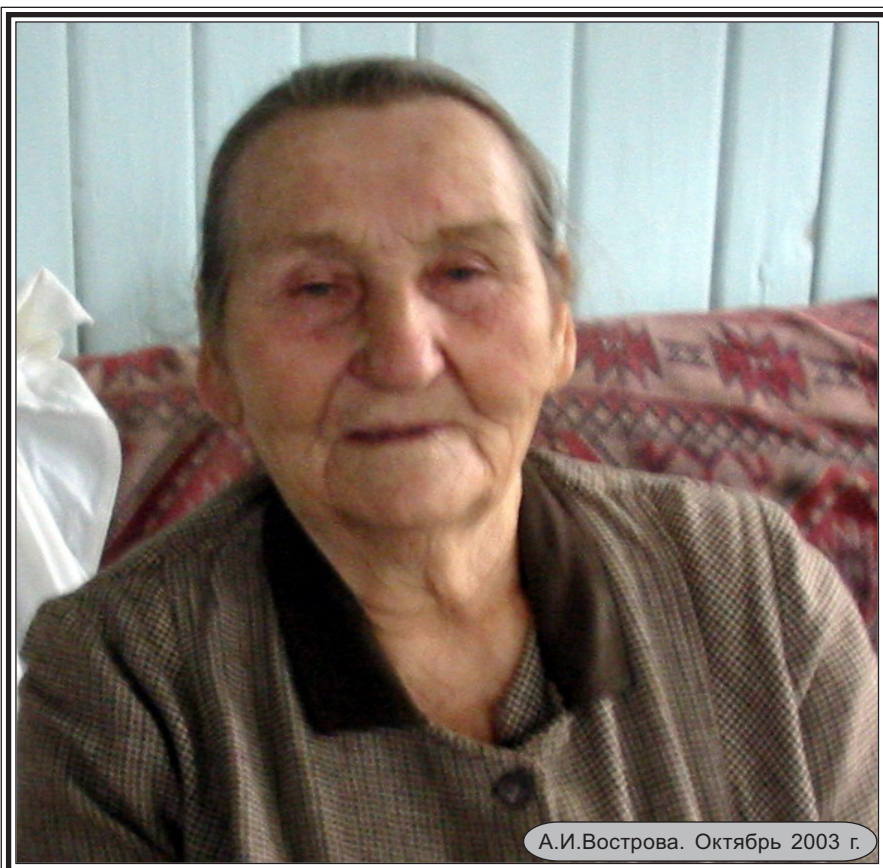
Приехала я в Няндому в 4 часа утра. Ларек торговал, нашла его сразу. Потом стала спрашивать, где тюрьма. «Куда мне идти-то?» Мне показали куда.

Был дождик. А у меня на ногах туфли были брезентовые. Я котомку на плечи — и побежала, что есть мочи. Побежала в 4 утра — в 5 часов вечера прибежала. 70 километров оттопала.

А дорога-то шоссе, каменная! Как сняла туфли: на ноге мозоль по всей ступне!

Дело было в субботу. Начальник не разрешает, не дает свидание. «Передавай, — говорит — передачу, а свидание не дам!»

(Продолжение следует.)

А.И.Вострова. Октябрь 2003 г.